

УДК 811.161.1

Зайцева И.А.

Московский государственный областной университет

**ПРАСЛАВЯНСКИЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ,
СТИЛИСТИЧЕСКИ СМЕСТИВШИЕСЯ В СФЕРУ
РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ**

I. Zaytseva

Moscow State Regional University

**PRASLAVIC NOUNS THAT HAVE STYLISTICALLY SHIFTED
TO THE COLLOQUIAL LANGUAGE**

Аннотация: В статье на материале лексикографических источников анализируются праславянские имена существительные, а именно агентивы, которые получили с течением времени разговорную стилистическую окраску, выявляются причины этих изменений. В результате проведённого анализа автор приходит к выводу, что для праславянских имён из всех видов стилистических смещений наиболее характерен переход в «сниженную» категорию лексики. Данный тип стилистических изменений показывается как отражение активно протекающего и наиболее заметного в настоящее время процесса «снижения» русского литературного языка в целом.

Ключевые слова: разговорная лексика, праславянские имена, агентивы, стилистическое изменение, суффикс, экспрессивно окрашенное значение, сниженная стилистическая окраска.

Abstract. Basing on lexicographic sources the author analyses praslavic nouns, namely agentives, that got colloquial colouring in time, and identifies the causes of these changes. As a result of the analysis, the author concludes that for praslavic nouns of all kinds of stylistic changes the most characteristic is the transition to the “lower” category vocabulary. This type of stylistic changes is shown as the reflection of an active and nowadays vivid process of the “lowering” of the literary language in general.

Key words: colloquial vocabulary, praslavic nouns, agentives, stylistic change, suffix, expressively coloured meaning, lowering of stylistic colouring.

Переход слов из общеупотребительной лексики в разряд разговорной с её экспрессивностью, ярко выраженной оценочностью – один из самых активных процессов, протекающих в настоящее время в русском языке. Для праславянских имён этот тип стилистических изменений является одним из основных. Суть его заключается в том, что в силу как экстралингвистических, так и внутрилингвистических причин нейтральные лексемы с течением времени получают сниженную стилистическую окраску. Однако, как справедливо отмечала О.С. Ахманова, «в отношении разговорной лексики речь должна, по-видимому, идти не столько о «снижении» в собственном смысле, сколько об известной свободе и непринуждённости выражения, сопровождающейся повышением экспрессивности» [2, с. 251].

Праславянские разговорные имена отмечены в словарях соответствующей стилистической пометой *разг.*, сущность которой до сих пор вызывает споры среди лексикологов. Одни (А.П. Евгеньева, П.Н. Денисов) понимают её как отражение функциональных и экспрессивно-стилистических особенностей слов русского литературного языка. Именно поэтому Е.Ф. Петрищева называла отмеченную такой пометой в словарях лексику «фамильярной в широком смысле слова» [6, с. 6]. Другие же учёные-языковеды (авторы-составители 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», Г.Н. Складневская) утверждают, что помета *разг.* только характеризует сферу употребления лексики. Они отмечают неоднород-

ный состав разговорной лексики, но считают её свободной от эмоциональных наслоений. Наиболее правомерной представляется точка зрения о том, что слова, стилистически маркированные как разговорные, часто содержат в себе не только указание на сферу употребления, но и одновременно элементы субъективной оценки и эмоциональной окраски (чаще пейоративной), при этом встречаются слова и с констатирующим значением.

Значительную группу праславянских имён, перешедших в пласт разговорной лексики, составляют агентивы, что, вероятно, связано с тем, что в неофициальном общении человек даёт огромное количество прозвищ, наименований по роду деятельности, характеру и т. д. другим людям, это могут быть как имена с положительной, так и с отрицательной оценкой. Большая часть слов данной группы – это словоформы, получившие вторичное значение, осознающееся как результат первичного переосмысления. Этот процесс нередко и является причиной стилистического смещения лексем.

Агентивные имена праславянского происхождения часто характеризуются наличием в своём составе определённых суффиксов, которые влияют на их стилистическое «снижение». К ним относятся, например, суффиксы *-ак*, *-ыш*, *-ун*. К примеру, образованное с помощью суффикса *-ак* общеславянское слово *мерзляк*. В современном русском литературном языке оно используется для номинирования человека, который очень боится холода. Это слово по данным разных словарей относится или к разговорной лексике [14; 5], или к просторечной [12, с. 852], и при этом имеет фамильярный, шуточный оттенок значения. В древнерусском языке оно было общеупотребительным и использовалось в значении 'замёрзший ком земли' [8, с. 98]. В таком же значении лексема сейчас известна русским диалектам. С течением времени суффикс, выделяемый в этом существительном, по аналогии со словами типа *добряк*, повлиял на семантико-стилистическое изменение данной лексемы, которая стала восприниматься как агентив со сниженной окраской.

К аналогичной словообразовательной модели принадлежит и слово *ломака*, функционировавшее в древнерусском языке в качестве имени собственного как фамильное прозвание [16, с. 12]. Позже лексема перешла в разряд нарицательных слов, что объясняется тем, что оно представляет собой характеристику, заключающую в себе экспрессивную окраску. Имея потенциальную негативную коннотацию, слово стало использоваться в разговорном языке для номинации человека-кривляки, человека, который с трудом соглашается что-то делать, т. е. «ломается» [12, с. 340]. Кроме того, слово приобрело неодобрительный оттенок значения [5]. Обе лексемы образованы с помощью праславянского суффикса *-ак* (*-як*). На его общеславянское происхождение указывает то, что дериваты с данным аффиксом, как отмечает Л.Т. Суздальцева, фиксируются в памятниках не только древнерусской письменности, но и в ранних текстах других славянских языков [13, с. 57]. С помощью этой морфемы слова образовывались или от адъективных, или от глагольных основ, как в случае с *ломакой* и *мерзлякой*, и приобретали значение «носитель признака».

В целом дериваты с суффиксом *-ак* не обнаружили высокой продуктивности в книжно-литературном типе русского языка XI–XVII вв. Они были активны в народно-разговорной речи, что во многом и обусловило впоследствии их «оседание» в разговорной лексике. В настоящее время в письменном литературном языке дериваты с аффиксом *-ак* практически не обнаруживаются. Зафиксировано всего 14 таких девербативов, причём 13 из них сохранились от предшествующих эпох. При этом большинство из них имеют стилистические пометы (*обл.*, *устар.*, *прост.*), рекомендуемые отказаться от их использования в письменной речи. Высокую продуктивность данные дериваты обнаруживают лишь в современных русских говорах, что также свидетельствует о снижении их стилистического статуса.

К формантам, повлиявшим на стилистическое смещение лексем, относятся также

суффиксы *-ун* и *-ыш*. Как имя собственное была известна в Древней Руси лексема *лопотун* [16, с. 64], образованная с помощью суффикса *-ун*. Он служил для образования наименований лиц мужского пола по процессуальному признаку с дополнительным модификационным оттенком усилительности признака. Этот словообразовательный тип был продуктивен и в древнерусский период, и в старорусский, о чём свидетельствует появление многочисленных отапеллятивных прозвищ типа *Лопотун*. Последнее с течением времени перешло в разряд номинативной разговорной лексики. Слово *лопотун* теперь номинирует человека, который говорит быстро и неясно (*лопочет*) [5]. Переход слова в разряд разговорной лексики был во многом обусловлен особенностями её функционирования в древнерусском языке. Лексемы с суффиксом *-ун* были свойственны народно-разговорному типу языка, хотя отмечено их незначительное использование в текстах делового стиля во второй половине XV века [1, с. 83].

Отапеллятивные прозвища и фамилии с суффиксом *-ыш* были также широко распространены в древнерусском языке. Они обнаруживаются в русской антропонимике значительно раньше нарицательных имён, примерно со второй половины XV века, что объясняется «принадлежностью апеллятивов к экспрессивным наименованиям народно-разговорного языка» [1, с. 106]. Примером служат лексемы *малыш*, *голыш*, *крепыш*, *глыпыш*. Последняя первоначально была известна русскому языку как имя собственное [15, с. 162]. В современном же русском языке лексема стала нарицательным именем, обозначающим неразумного наивного ребёнка. Сейчас слово имеет оттенок ласковой снисходительности [10, с. 150].

Таким образом, на стилистическое смещение многих агентивных имён праславянского происхождения в сферу разговорной лексики повлиял тот или иной суффикс в их составе.

В русском языке сохранилось много общеславянских лексем, служащих наименованиями лиц по их возрасту и полу. Некоторые

из них с течением времени также оказались среди разговорной лексики. К примеру, лексема *дѣдь* в древнерусском языке отмечается в значениях 'предок' и 'дедушка' [3, с. 783]. В настоящее время в семантической структуре слова обнаруживаются стилистически окрашенные значения. Во-первых, *дедом* сейчас называют любого старого человека. Это значение свойственно только разговорному языку. Во-вторых, лексема *дед* номинирует старослуживого человека в армии по отношению к молодым солдатам [11, с. 110].

Сохранилось в современном русском разговорном языке слово *детина*, известное ещё из древнерусского языка в значении 'дитя, юноша' [3, с. 795; 7]. Сейчас словоформа служит для обозначения рослого, сильного, молодого мужчины или парня [11, с. 203]. На закрепление этого значения за словом повлиял суффикс *-ин*, имеющий увеличительное значение (ср. *голосина*, *мужичина*, *зверина*, *доми́на* и т. д.). Словообразовательная морфема также послужила причиной стилистического сдвига лексемы в сферу разговорной лексики. Все слова в современном русском языке, имеющие в своём составе данный суффикс с указанным словообразовательным значением, имеют стилистическую помету *разг.* Однокоренное слово *детка*, бывшее общеупотребительным в древнерусском языке и называющее ребёнка или дитя [3, с. 797], также переместилось в сферу разговорной лексики [11, с. 204].

Изменили свой стилистический статус в сторону разговорной лексики и общеславянские лексемы *девица* и *молодец*. Словом *девица* в древнерусском языке называли девушку [3, с. 780–781]. Однако со временем лексема *девица* стала употребляться с двумя разными ударениями (на первом и на втором слоге), что привело к изменению её стилистического значения. Слово *де́вица* закрепилось за народно-поэтической речью, а *деви́ца* перешло в разговорную речь. Позже семантическая структура слова расширилась: появилось просторечное значение 'незамужняя женщина' [11, с. 97–98]. То же самое произошло и со словом *молодец*. Если до XVIII века так назы-

вали молодых людей удалецкого нрава [8, 248], то после слово приобрело второй вариант ударения на последнем слоге, а вместе с ним и новую стилистическую окраску. *Мблodeц*, как и *дэвица*, перешло в сферу народно-поэтической речи [14], а вот слово *молодѣц* также стало разговорным и используется для выражения похвалы или для номинирования бесшабашного человека [5]. Кроме того, слово *молодец* стало синонимом лексемы *молодчик*. Так называют молодых людей, способных на преступления, всячески нарушающих нормы общественного поведения. Это значение имеет оттенок презрительности [12, с. 1180].

Мужи́ком в древнерусском языке называли всякого крестьянина [4, с. 189]. Чуть позже наряду с этим появляется стилистически не маркированное значение ‘муж, супруг’ [8, с. 304]. В современном русском языке данная лексема фиксируется в значениях ‘крестьянин’ (разговорное), а также ‘мужчина’, ‘муж, супруг’. Последние два отмечены в словарях как просторечные [14; 5; 12, с. 1944]. Кроме того, развивается и четвёртое значение, которое уместно только в просторечии: *мужи́ком* называют необразованного, грубого человека. В этом значении словоформа является бранной [12, с. 1944]. Движение словоформы в сторону просторечия говорит о дальнейшем снижении её стилистической окраски.

В русском языке фиксируется значительное количество праславянских имён, метафорически или метонимически переосмысленных, получивших вследствие переноса новое, экспрессивно окрашенное значение, благодаря которому данные слова оказались в сфере агентивной лексики со сниженной, разговорной окраской. Примером может служить общеславянская лексема *дрянь*, в Древней Руси обозначавшая негодные вещи, хлам и т. п. Данное значение слово *дрянь* сохранило и в современном русском языке, только явно негативная коннотация лексемы способствовала смещению ее в сферу разговорного языка. Кроме того, ещё в XVIII веке появляется другое значение у данной лексемы: ‘что-то малоценное, низкого качества’ [9, с. 20]. Сейчас слово *дрянь* в этом значении также отме-

чено как разговорное. Стилистический сдвиг и негативная коннотация повлияли на дальнейшее развитие семантической структуры слова: появилось третье, также разговорно-окрашенное значение: *дрянью* стали называть скверного или дурного человека [11, с. 493].

Итак, для праславянских имён, как и в целом для лексики современного русского языка, в настоящее время из всех видов стилистических изменений наиболее характерен переход в «сниженную» категорию лексики. Процесс перемещения лексем из общеупотребительной лексики в сферу разговорной речи более заметен и активен, чем процесс приобретения словами книжной стилистической окраски. Об этом можно судить исходя из количества лексем, «переживших» и тот, и другой процессы. В настоящее время идет общее «снижение» литературного языка, и закономерно, что праславянские имена «следуют» этой тенденции. В частности, это касается общеславянских агентивов, перешедших из разряда стилистически нейтральных в пласт разговорной лексики.

В целом количество разговорных слов в русском языке составляет наиболее значительную часть среди всех стилистически маркированных лексем. По данным словаря С.И. Ожегова, разговорных слов около 8000, то есть примерно 10% от всех слов словаря. Такое значительное количество разговорных лексем свидетельствует не только об их мощном влиянии на стилистическую систему русского языка, в частности на книжно-письменную разновидность, но и о том, что процесс перехода слов из разряда общеупотребительных в пласт разговорных активно продолжается и в настоящее время. Эта тенденция проявляется и среди имён праславянского происхождения, процесс стилистического «снижения» которых продолжается и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247 с.
2. Ахманова О.С. Очерки общей и русской лексикологии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 296 с.

3. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. – Т. 1. – 771 с.
4. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1902. Т. 2. 919 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/4/192-0.html> (дата обращения: 24.03.2011).
6. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М.: Наука, 1984. – 222 с.
7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovvari.ru/default.aspx?s=0&p=2641> (дата обращения: 05.04.2011).
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1982. – Вып. 9. – 363 с.
9. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука. – Вып. 7. – 264 с.
10. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1992. – Т. 3. – 400 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – Т. 4. – 691 с.
12. Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 6. – 739 с.
13. Суздальцева Л.Т. Дериваты с суффиксом *-ак* в русском языке // Семантика лексических и грамматических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 1995. – С. 56–65.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/3/192-0.html> (дата обращения: 15.03.2011).
15. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. – 857 с.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1990. – Вып. 16. – 264 с.

УДК 81'23

Константинова М.В.

Курский государственный университет

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

M. Konstantinova

Kursk State University

EXPERIMENTAL RESEARCH OF THE LEGAL METAPHOR SPECIFICITY IN THE INDIVIDUAL LEXICON

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования юридической метафоры в индивидуальном лексиконе, являющейся частью тезауруса языковой личности. Под *юридической метафорой* понимается образованное в процессе речемыслительной деятельности индивида словосочетание, в которое наряду с общеупотребительными словами языка входит лексема/лексемы юридического дискурса, функционирующее в рамках профессионального дискурса юристов. Юридическая метафора представляет собой одну из базовых моделей профессионального знания индивида.

Ключевые слова: юридическая метафора, юридический дискурс, профессиональный язык, индивидуальный лексикон.

Abstract. The article is devoted to specific features of functioning of legal metaphor, as a part of a lingual personality's thesaurus, within an individual lexicon. The legal metaphor hereinafter is presumed as a word combination, initiated by verbal intellectual process of the individual, which may include lexeme item/items of the juridical discourse of the professional legal language together with the common used words. Legal metaphor is one of basic models of an individual's professional knowledge.

Key words: legal metaphor, legal discourse, professional language, individual lexicon.

© Константинова М.В., 2011.